

Разговор с тенью

ОСТАНОВИСЬ, поднявшись на крыльцо,

и посмотри: то пылью, то пылью
покрыта, золотится вся округа.

Случайного прохожего ли, друга
тебе не нужно, потому что тишь
дрожит, и сам ты в ней дрожишь.

Шевелится поток неуловимый,
и эхом отдаётся в голове

невидимое дуновение ве-
тра, словно мягкий шёпот херувима.

Ты втягиваешь воздух, задержать
его стремясь до головокруженья,
склоняя в неизвестных падежах

и подбирая новые спряженья
к своей прозрачной тени на земле,
что через миг шагнёт к тебе на ощупь.

И скажет, будто нет явленья проще,
Пока стоишь, в бессилье обомлев:

«Смотри, весь мир твой маревом залит
беспечно-пыльным, еле ощутимым...

Но луг травой как будто ошетилен,
и завтра спать не будешь до зари.

Смотри, ты видишь блики у дверей?

В них есть круговорот пчелы и мёда.

И если говорят “беги скорей
от каждого заката до восхода!” —

смотри. Движеньё — это только ртуть.

Дрожащая, живая капля ртути
с тобою вместе долгий держит путь
от предыдущей к следующей минуте».

Стихосознание

ПРЕСТРАННОЕ СОЗДАНИЕ — прит: он по
ночам в размерах — рыба-кит, а утром — напо-
добие моллюска, глядит вокруг под стать цеп-
ному псу: «Престранный мир я на себе несу,
здесь всё дрожит огнём, хотя и тускло». Поёт он
мироздания столпы, завидев протяжённые
столбы, и вместо арок видит анфилады других
времен, что ночью снятся нам. И мы склони-
лись ближе к временам, которым ничего от нас
не надо. Но все чего-то просят и хотят, и лучше
сразу выпить быстрый яд, чем понести следы
такого груза. Вдруг — ты высвечиваешься в тол-
пе, и мысли выпить яда нет глупей, ни красоты
твоей в нём нет, ни вкуса. Зачерпывая небо до
глубин, ты покупаешь радостный пломбир. Му-
рашки пробегают по затылку, шепча, что я жи-
вой... и вот, смотри: любой бокал с отравой вну-
три я разбиваю просто, как бутылку.

Вечер в Петербурге

С МЛАДЕНЧЕСКИ наивной синевой
вы кажетесь мне очень-очень близкой.
Мы встретились над сумрачной Невой,
где вы звучите словно по-английски

и ангельски... я просто верю вам
и вашим нервно режущимся крыльям.
Я скоро еду в Лондон, но сперва
хочу, чтоб Петербург вы мне открыли.

Сейчас над миром есть такая тьма,
которая дороже всех рассветов...
Да, синий — мой любимый цвет, хотя
и сумрак вашей речи фиолетов.

Ветер

ЗАБИРАЮ СВИНЕЦ ИЗ ТУЧ, отдаю дождю.
Я останусь надолго и первой листвы дожусь
Зацветания; слабая дрожь капли

Прерывается вовсе на чей-то весенний шаг,
Чей-то сын по воде идёт, пробуя, не спеша;
Чья-то дочь поёт «Ave Mari...» a cappella.

Не кончайся, песня, хотя б до меня продлись,
Я беру на себя унести её вдаль и ввысь,
Растворить в морях, словно маленькую таблетку;

Дочь поёт, улыбаясь, и взгляд её до небес!..
Мать заранее покупает тетради в клетку.
Сын выводит карандашом одинокий крест.